

ЧТЕНИЕ: БРАКОНЬЕРСТВО

Раз и навсегда установить значение слов —
вот, к чему стремится Террор.
Жан-Франсуа Лиотар, *Языческие рудименты*

Некоторое время назад Элвин Тофлер возвестил о появлении «нового человеческого вида», порожденного массовым художественным потреблением. Отличительной чертой этого формирующегося вида, кочующего и поглощающего все, что ему попадает на пастбищах массмедиа, является его «самоподвижность»¹. Он возвращает нас к номадизму прежних времен, но отныне его охотничьими угодьями становятся искусственные леса и степи.

Этот пророческий анализ, однако, касается лишь массы, потребляющей «искусство». Исследование Государственного секретариата по делам культуры (декабрь 1974 года)² показывает, что из этого культурного производства извлекает выгоду только элита. С 1967 года (дата предыдущего исследования, проведенного INSEE) государственные средства, вложенные в создание и развитие культурных центров, лишь усилили культурное неравенство среди французов. Они увеличили количество мест, где осуществляется выражение и идет производство символического, но в действительности выгоду от этого получают те же самые категории населения: культура, как и деньги, «идет только к богатым». Большинство вообще не посещают эти заповедные сады искусства. Оно захвачено и собрано воедино сетями массмедиа, телевидением (охватывающим 9 французов из 10), прессой (8 французов из 10), книгами (7 французов из 10, из которых 2 читают много и, согласно исследованию осени 1978

¹ Alvin Toffler, *The Culture Consumers*. Baltimore: Penguin: 1965, p. 33–52 (по опросам, проведенным Эммануэлем Демби).

² *Pratiques culturelles des Français*. Paris: Secrétariat d'Etat à la Culture. Service des études et recherches, 1974, t. 2.

ЧАСТЬ IV. СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКА

года, 5 читают больше, чем раньше)³ и т. д. Таким образом, вместо номадизма мы имеем «редукцию» и заключение в замкнутое пространство: потребление, возникающее за счет этой экспансионистской решетки (*quadrillage*), предстает «занятием баранов», которые становятся все менее подвижными и все больше «обрабатываются» завоевателями пространства, каковыми являются медиа с их все возрастающей мобильностью. Происходит закрепление потребителей и усиливается циркуляция медиа. Массам остается только свобода поедать тот рацион симулякров, которые выдает каждому система.

Вот именно против такой концепции потребления я и восстаю: такое изображение потребителей неприемлемо.

ИДЕОЛОГИЯ «ИНФОРМИРОВАНИЯ» ЧЕРЕЗ КНИГУ

Этот образ «публики» обычно не афишируется. Тем не менее он присутствует в претензии «производителей» *информировать* население, то есть «придавать форму» социальным практикам. Даже протесты против вульгаризации/вульгарности медиа связаны подчас с аналогичной претензией в области педагогики; элита, склонная считать свои собственные культурные модели необходимыми народу для образования ума и воспитания души, обеспокоенная «низким уровнем» газетенок или телевидения, всегда исходит из того, что публика формируется продукцией, которая ей навязывается. В этом и состоит непонимание самого акта «потребления». Предполагается, что «усвоить» обязательно значит «сделаться подобным» тому, что поглощается, а не «сделать это подобным» тому, чем является сам потребитель, сделать своим, присвоить или присвоить заново. Необходимо сделать выбор из этих двух возможных значений, и сделать его, основываясь на истории, горизонт которой предстоит сейчас наметить. «Итак, однажды...»

³ Согласно исследованию, проведенному Луи-Арри (сентябрь—октябрь 1978 года), количество читателей во Франции увеличилось на 17 % за последние двадцать лет: процент тех, кто читает много, не изменился (22 %), тогда как количество тех, кто читает относительно меньше или мало, возросло. См.: Janick Jossin, *L'Express*, 1978, 11 novembre.

ГЛАВА XII. ЧТЕНИЕ: БРАКОНЬЕРСТВО

В XVIII веке идеология Просвещения утверждала, что книга способна реформировать общество, что популяризация знаний, осуществляемая образованием, может изменить нравы и привычки, что культурное производство элиты, если оно распространяется на всю территорию, способно преобразить нацию. Этот миф об Образовании⁴ вписал теорию потребления в структуры культурной политики. Конечно, логика технического и экономического развития, которую использовала эта политика, привела ее к нынешней системе, переворачивающей идеологию, которая прежде заботилась о распространении «Просвещения». Отныне средства распространения преобладают над передаваемыми идеями. Средство передачи замещает собой сообщение. «Педагогические» процедуры, опиравшиеся на сеть образовательных учреждений, развились настолько, что преподавательский корпус, совершенствовавший их на протяжении двух веков, был отвергнут как бесполезный или уничтожен: сегодня эти процедуры составляют аппарат, который во исполнение древней мечты о том, чтобы охватить *всех и каждого*, постепенно уничтожает цель, идеологические основания и образовательные институции Просвещения. Короче говоря, в образовании все происходит так, как если бы *форма* его технической организации реализовалась настолько полно, что уничтожила само его *содержание*, которое сделало ее возможной и которое с тех пор все больше утрачивает свою общественную полезность. Но на протяжении всей этой эволюции представление о том, что общество производится системой «письма», неизменно имело следствием убеждение в том, что публика, даже если она в той или иной степени оказывает сопротивление, формируется письмом (вербальным или иконическим), что публика приобретает сходство с тем, что воспринимает, и, наконец, что в ней отпечатывается (и передает ей свои свойства) текст, который ей навязывается.

Прежде этот текст существовал в рамках школьных учреждений. Сегодня этот текст — само общество. Он имеет урбанистическую, индустриальную, коммерческую или телевизионную форму. Но изменения, в результате которых произошел переход от образовательной археологии к технократии массмедиа, не затронули ту основополагающую идею, что потребление характеризуется пассивно-

⁴ Jean Ehrard, *L'idée de nature en France pendant la première moitié du XVIII siècle*. Paris: Sepeven, 1963, см. главы: "Naissance d'un mythe: l'Education", p. 753–767.

стью, — идею, которую как раз и необходимо оспорить. Скорее, все эти изменения только упрочили ее: массовое насаждение стандартизованного преподавания сделало невозможными или невидимыми межличностные отношения традиционного обучения; таким образом, «несущие информацию» технические специалисты за счет систематизации процессов производства превратились в функционеров, замкнувшихся в своих специальностях и все больше игнорирующих пользователей; сама производительная логика, изолируя производителей, привела к убеждению, что потребители лишены творческой активности; обоюдная слепота, порожденная этой системой, убедила в конечном итоге тех и других, что инициатива имеет место только в технических лабораториях. Даже анализ подавления, осуществляемого механизмами этой дисциплинарной системы, по-прежнему основывается на том, что публика является пассивной, «информируемой», обрабатываемой, подверженной влиянию и лишенной исторической роли.

Эффективность производства подразумевает инертность потребления. Она производит идеологию потребления-вместилища. Будучи порождена классово-идеологией и ослеплением от технического прогресса, эта легенда необходима системе, которая отличает авторов, педагогов, революционеров, одним словом, «производителей», отдавая им преимущество перед теми, кто таковыми не является. Отвергая «потребление», каким оно мыслится и (естественно) утверждается этими «авторскими» предприятиями, мы получаем возможность обнаружить творческую деятельность там, где она отрицалась, и ограничить необъятную претензию *одного вида* производства (вполне реального, но не единственного) творить историю, «информируя» всю страну в целом.

НЕПРИЗНАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ЧТЕНИЕ

Чтение — это лишь один, но наиболее фундаментальный аспект потребления. В обществе, которое становится все более и более письменным, в основании которого лежит власть менять вещи и преобразовывать структуры исходя из моделей письма (научных, экономических, политических), которое постепенно превращается в многоаспектные «тексты» (административные, урбанистические, индустриальные и т. д.), пару «производство-потребление» можно не-

ГЛАВА XII. ЧТЕНИЕ: БРАКОНЬЕРСТВО

редко заменить ее эквивалентом и основным выразителем — парой «письмо-чтение». Власть, учрежденная волей (реформистской, научной, революционной или педагогической) переделывать историю, благодаря операциям письма, осуществлявшимся первоначально в ограниченном поле, имеет следствием основополагающее разделение между письмом и чтением.

«Модернизация, современность — это письмо», говорит Франсуа Фюре. Всеобщий характер письма действительно привел к замещению обычая абстрактным законом, к замене традиционной власти — государством и распаду группы, сопровождавшемуся выдвиганием индивида. Но эта трансформация осуществлялась под эгидой «скрещивания» двух дискурсивных элементов: письменного и устного. Недавнее исследование Ф. Фюре и Ж. Озуфа фактически показало, что в тех областях Франции, где образование было развито в меньшей степени, имело место «широкое обучение грамотности, состоявшее главным образом в чтении, вдохновляемом церковью и семьей, и предназначавшееся в основном для девочек»⁵. Только школа соединила, часто довольно непрочно, две эти способности: читать и писать. В прошлом же они достаточно долгое время были разъединены, и это продолжалось вплоть до начала XIX века: сегодня взрослая жизнь тех, кто учился школе, очень быстро приводит к тому, что для многих «только чтение» и письмо существуют по отдельности; и, кроме того, следует задаться вопросом о собственных маршрутах чтения и там, где оно соединено с письмом.

Со своей стороны, исследования, посвященные психолингвистике понимания⁶, различают в чтении «лексический акт» и «письменный акт». Они показывают, что ребенок в школе учится читать *параллельно* тому, как обучается распознавать буквы, а не благодаря этому: «читать» смысл и распознавать буквы — это операции, которые относятся к двум различным, хотя и пересекающимся, видам деятельности. Иначе говоря, одна только культурная память, воспринятая на слух, через устную традицию, делает возможными и постепенно обогащает стратегии семантического поиска, ожидания

⁵ См.: François Furet, Jacques Ozouf, *Lire et écrire. L'alphabétisation des Français de Calvin à Jules Ferry*. Paris: Minuit, 1977, t. 1, p. 349–369 и «только чтение», p. 199–228.

⁶ См., например: Jacques Mehler, G. Noizet, *Textes pour une psycholinguistique*. La Haye: Mouton, 1974; а также: Jean Hébrard, «Ecole et alphabétisation au XIXe siècle», сообщение на коллоквиуме *Lire et écrire*. Paris, MSH, июнь 1979.

ЧАСТЬ IV. СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКА

которого проясняются, уточняются или корректируются распознаванием написанного. Чтение, начиная с чтения ребенка и вплоть до научного чтения, предвосхищается и становится возможным благодаря устной коммуникации, бесчисленным формам «авторитета», которые тексты почти никогда не называют. Все происходит так, как если бы создание значений, которое по форме является ожиданием (ожиданием чего-то) или предвосхищением (выдвижением гипотезы), связанным с устной передачей, являлось тем первоначальным элементом, который постепенно обрабатывает, признает неверным, проверяет, уточняет расшифровка графических материалов, прокладывая дорогу чтению — граф лишь оттачивает и углубляет предвосхищение.

Несмотря на различные работы, обнаруживающие автономию практики чтения, скрытой под империализмом письма, в реальности к этому разделению привела более чем трехвековая история. Социальное и техническое функционирование современной культуры устанавливает иерархию этих двух видов деятельности. Писать значит производить текст; читать значит получать его от другого, не отмечая в нем своего места, не переделывая его. В этом отношении чтение катехизиса или Священного Писания, которое духовенство когда-то рекомендовало девушкам и их матерям, одновременно запрещая этим жрицам неприкосновенного священного текста писать, имеет сегодня свое продолжение в «чтении» телевизионных программ, предлагаемом «потребителям», которые лишены возможности оставить свое собственное письмо на экране, где появляется производство Другого — «культуры». «Связь, существующая между чтением и церковью»⁷, воспроизводится в отношениях между чтением и новой церковью, которой сегодня являются массмедиа. Подобным образом созданию социального текста интеллектуалами, по видимому, все еще соответствует «восприятие» текста верующими — теми, кто должен довольствоваться воспроизводством моделей, разработанных авторами, манипулирующими языком.

Что необходимо поставить под сомнение, так это, к сожалению, не сам факт разделения труда (оно более чем реально), а приравнивание чтения к пассивному потреблению. На самом деле читать значит странствовать внутри навязанной системы (системы текста, ана-

⁷ F. Furet, J. Ozouf, *Lire et écrire. L'alphabétisation des Français de Calvin à Jules Ferry*, p. 213.

ГЛАВА XII. ЧТЕНИЕ: БРАКОНЬЕРСТВО

логичной сконструированному порядку города или супермаркета). Недавние исследования показывают, что «всякое чтение модифицирует свой объект»⁸, что (это уже говорил Борхес) «литература отличается от не-литературы не столько текстом, сколько способом чтения»⁹, и что в конце концов система вербальных или иконических знаков является складом форм, ожидающих, что читатель наполнит их смыслом. Если, таким образом, «книга является результатом (конструкцией), производимым читателем»¹⁰, то необходимо рассмотреть деятельность этого последнего как своего рода *lectio*, как производство, свойственное «читателю»¹¹. Читатель не занимает место какого-то конкретного автора или вообще место автора. Он изобретает в текстах что-то другое, нежели то, что являлось их «интенцией». Он отрывает тексты от их источника (утраченного или малозначимого). Он соединяет их фрагменты и создает нечто, донине неизвестное, в пространстве, организованном их способностью допускать неопределенную множественность значений. Закреплена ли такая деятельность, как «чтение», за литературной критикой (которой всегда отдают предпочтение исследователи чтения), то есть опять же за категорией интеллектуалов, или она может распространяться на любое культурное потребление? Вот вопрос, ответу на который должны были бы способствовать история, социология или школьная педагогика.

К сожалению, богатая литература, посвященная чтению, дает лишь отдельные уточнения по этому поводу или связана с опытом образованных людей. Исследования прежде всего касаются преподавания чтения¹². С меньшей решимостью исследовать эти пробле-

⁸ Michel Charles, *Rhétorique de la lecture*. Paris: Seuil, 1977, p. 83.

⁹ Цит. по: Жерар Женетт, *Фигуры*, в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998, т. 1, с. 149.

¹⁰ M. Charles, *Rhétorique de la lecture*, p. 61.

¹¹ Известно, что слово «читатель» в Средние века имело значение «преподаватель».

¹² См. особенно: Alain Bentolila, éd., *Recherches actuelles sur l'enseignement de la lecture*. Paris: Retz, 1976; Jean Foucambert, J. André, *La Manière d'être lecteur. Apprentissage et enseignement de la lecture de la maternelle au CM2*. Paris: Sermar, OCDL, 1976; Laurence Lentin, *Du parler au lire. Interaction entre l'adulte et l'enfant*. Paris: ESF, 1977; и т. д. К этому необходимо добавить, по крайней мере, многочисленные исследования «made in USA»: Jeanne Sternlicht Chall, *Learning to Read: the Great Debate... 1910–1965*. New York: McGraw-Hill, 1967; Dolores Durkin, *Teaching Them to Read*. Boston: Allyn & Bacon, 1970; Eleanor Jack Gibson,

ЧАСТЬ IV. СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКА

мы отваживаются история и этнология в силу отсутствия следов, оставленных этой практикой, проходящей через все виды «письма», которые еще предстоит определить (например, мы «читаем» пейзаж так же, как мы читаем текст)¹³. В социологии, где такие исследования более многочисленны, они обычно относятся к статистическому типу, поскольку в них в большей степени подсчитываются соотношения между объектами, социальной принадлежностью и местами, используемыми для чтения, чем анализируется сама операция чтения, ее модальности и типология¹⁴.

Остается область, связанная с литературой, сегодня особенно богатая (начиная с Барта и вплоть до Риффатера или Яусса), где опять же письмо занимает привилегированное положение, но письмо это имеет высокоспециализированный характер: «писатели» направляют «радость чтения» в ту сторону, где она соединяется с искусством писать и удовольствием перечитывать. Здесь, однако, неважно, до или после Барта, заявляют о себе те блуждания и те изобретения, которые играют с ожиданиями, ловушками и нормативностью «читаемого произведения»; здесь разрабатываются теоретические модели, способные отрефлексировать подобное положение вещей¹⁵.

Harry Levin, *The Psychology of Reading*. Cambridge, Mass.: MIT, 1975; Milfred Ro-beck, John A.R. Wilson, *Psychology of Reading: Foundations of Instruction*. New York: John Wiley, 1973; Lester Tarnopol, Muriel Tarnopol, eds., *Reading Disabilities. An International Perspective*: Baltimore: Univ. Park Press, 1976; и т. д., а также три важных журнала: *Journal of Reading*, выходит с 1957 года (Purdue Univ., Dept. of English), *The Reading Teacher*, выходит с 1953 года (Chicago International Reading Association), *Reading Research Quarterly*, выходит с 1965 года (International Reading Association, Newark, Del.).

¹³ См. библиографию в: F. Furet, J. Ozouf, *Lire et écrire. L'alphabétisation des Français de Calvin à Jules Ferry*, t. 2, p. 358—372. К этому можно также добавить: Mitford McLeod Mathews, *Teaching to Read, Historically Considered*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1966. См. также исследования Джека Гуди: Jack Goody, *Literacy in a Traditional Society*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1968; Jack Goody, *La Raison graphique*. Paris: Minuit, 1979; и т. д., открывающие большие возможности для историко-этнографических исследований.

¹⁴ Кроме статистических исследований, см.: Jacques Charpentreau et al., *Le livre et la lecture en France*. Paris: Ed. ouvrières, 1968.

¹⁵ См., разумеется: Ролан Барт, «Удовольствие от текста», в кн.: Ролан Барт, *Избранные работы: семиотика*, пер. с фр. под ред. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989, с. 462—518; а также: Roland Barthes, «Sur la lecture», *Le Français aujourd'hui*, 1976, N 32, janvier, p. 11—18. Добавим несколько произвольно: Tony Duvert, «La lecture introuvable», 1972, Minuit, N 1, novembre, p. 2—21; Octave Mannoni, *Clefs*

Однако, несмотря на это, история продвижения человека через свои собственные тексты остается по большей части неизвестной.

«БУКВАЛЬНЫЙ» СМЫСЛ, ПРОИЗВЕДЕННЫЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЭЛИТОЙ

Из исследований, анализирующих деятельность чтения с ее приемами, скольжением по странице, метаморфозами и анаморфозами текста, производимыми путешествующим взглядом, полетами воображения или мысли, вдохновляемыми какими-то словами, перешагиванием через пространства написанного текста, организованного в военном порядке, этими эфемерными танцами, — становится понятно, по крайней мере, при первом приближении, что мы не умеем устанавливать различия между чтением и читаемым текстом (книги, образа и т. д.). Идет ли речь о газете или о Прусте, текст обретает значение только благодаря читателям; он меняется вместе с ними; он упорядочивается согласно кодам восприятия, которые ему не подвластны. Текст становится текстом только через связь с внешним миром читателя, за счет взаимодействия между импликациями и уловками двух сложноорганизованных видов «ожидания»: того, которое определяет *читаемое* пространство (литературу), и того, которое определяет образ действий, необходимый для *осуществления* произведения (чтение)¹⁶.

Удивительно то, что принцип такой деятельности чтения уже был выдвинут Декартом три века назад по поводу современных ему работ, посвященных комбинаторике и примерам «шифров» или зашифрованных текстов: «Если кто-либо, желая разгадать написанный обыкновенными буквами шифр, станет читать В всюду, где стоит А,

pour l'imaginaire. Paris: Seuil, 1969, p. 202–217 (о «необходимости интерпретировать»); Michel Mougnot, «Lecture/écriture», *Le Français aujourd'hui*, 1975, N 30, mai; Victor N. Smirnoff, «L'œuvre lue», *Nouvelle Revue de psychanalyse*, 1970, N 1, p. 49–57; Tzvetan Todorov, *Poétique de la prose*, Paris: Seuil, 1971 («как читать?»), p. 241 и последующие); Jean Verrier, «La ficelle», *Poétique*, 1977, N 30, avril; *Littérature*, 1972, N 7, octobre, выпуск, озаглавленный «Le discours de l'école sur les textes»; *Esprit*, два номера, озаглавленные: «Lecture I», 1974, décembre и «Lecture II», 1976, janvier; и т. д.

¹⁶ См., например, «пропозиции» М. Шарля: M. Charles, *Rhétorique de la lecture*.

и С всюду, где стоит В, и так последовательно поставит на место каждой буквы следующую за ней по алфавиту и при этом, читая, найдет имеющие смысл слова, он не будет сомневаться, что открыл ключ к шифру, хотя и не исключена возможность, что писавший вложил совершенно иной смысл, придав каждой букве иное значение»¹⁷. Операция кодирования, заявляющая о себе через означающие, *создает* смысл, который не определяется тем, что вложено в текст, «интенцией» или деятельностью автора.

Откуда тогда берется эта китайская стена, окружающая «собственное место» текста, отделяющая его семантическую автономию от всего остального и создающая из него тайный порядок «произведения»? Кто возводит этот барьер, превращающий текст в остров, который всегда недостижим для читателя? Эта фикция предназначена для того, чтобы обречь потребителей на подчинение, поскольку отныне они всегда виновны в отступничестве или в неведении, оказавшись лицом к лицу с безмолвной «неисчерпаемостью» сокровища, которое таким образом остается не у дел. Эта фикция «сокровища», скрытого в произведении, «хранилище» смысла, имеет, очевидно, в качестве своего основания не продуктивность читателя, а, скорее, социальную институцию, которая радикальным образом детерминирует его отношения с текстом¹⁸. В каком-то смысле чтение заслоняется соотношением сил (между учителями и учениками или между производителями и потребителями), инструментом которых оно становится. Использование книги привилегированными группами конституирует ее как тайну, «подлинными» интерпретаторами которой они являются. Именно это использование устанавливает между текстом и его читателями границу, для пересечения которой только эти официальные интерпретаторы и выдают паспорта, превращая свое чтение (*также* являющееся легитимным) в ортодоксальную «литературу», которая приравнивает другие способы чтения (в равной мере легитимные) к еретическим (не «соответствующим» смыслу текста) или несущественным (передаваемым забвению). С этой точки зрения «буквальный» смысл является индикатором и следствием социальной власти, власти элиты. По природе открытый множественным прочтениям, текст становится культурным оружием, заповедным

¹⁷ Рене Декарт, *Сочинения*, в 2 т. М.: Мысль, 1989, т. 1, с. 420.

¹⁸ Pierre Kuentz, "Le tête à texte", *Esprit*, 1974, décembre, p. 946–962; Pierre Kuentz, "L'envers du texte", *Littérature*, 1972, N 7, octobre.

ГЛАВА XII. ЧТЕНИЕ: БРАКОНЬЕРСТВО

угодьем, предлогом для создания закона, который должен обеспечить легитимность «буквальной» интерпретации профессионалов и интеллектуалов, облеченных *социальной* властью.

Впрочем, если проявление читательской свободы посредством текста и допускается среди интеллектуалов (надо быть Роланом Бартом, чтобы себе ее позволить), то это, напротив, запрещено ученикам (строго и со знанием дела приведенным в святилище смысла, «возведенное» учителями) или публике (заботливо уведомляемой «о том, что ей надо думать», все открытия которой считаются не заслуживающими внимания и обходятся молчанием).

Таким образом именно социальная иерархизация скрывает реальность практики чтения или лишает ее признания. Раньше церковь, устанавливавшая социальный разрыв между учеными людьми и «верующими», поддерживала Писание, сохраняя его в статусе «Буквы», которая мыслилась как независимая от своих читателей, а на самом деле находилась в ведении своих экзегетов: автономия текста представляла собой воспроизводство социокультурных отношений внутри институции, служители которой определяли, какие именно части Писания надо было читать. Вместе с ослаблением институции Церкви между текстом и его читателями обнаруживается прежде скрывавшаяся взаимность, как если бы, сдавая свои позиции, Церковь позволила увидеть неопределенную множественность «видов письма», которые производятся разными видами чтения. Творческая активность читателя возрастает по мере того, как происходит упадок институции, прежде ее контролировавшей. Этот процесс, ставший заметным после Реформации, уже в XVII веке вызывал у пасторов беспокойство. Сегодня социополитические механизмы школы, прессы или телевидения отделяют от читателей текст, который находится в руках учителей или производителей. Но за театральными декорациями этой новой ортодоксии скрывается (как это уже было раньше)¹⁹ молчаливая, трансгрессивная, ироническая или поэтическая деятельность читателей (или телезрителей), которые замыкаются в приватной сфере и ничего не ведают об «учителях».

¹⁹ Документы, к сожалению слишком редкие, проливают свет на самостоятельность траекторий, интерпретаций и убеждений католических читателей Библии. См. об отце-«земледельце»: Ретиф де ля Бретона, «Жизнь отца моего», в кн.: Ретиф де ла Бретон, *Совращенный поселянин. Жизнь отца моего*, пер. с фр. Е.А. Гунста, О.В. Волкова. М.: Наука, 1972, с. 513, 516–517 и т. д.

ЧАСТЬ IV. СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКА

Таким образом, чтение располагается на пересечении *социальной* стратификации (классовых отношений) и *поэтических* операций (конструирования текста теми, кто его практикует): социальная иерархизация действует таким образом, чтобы подчинить читателя «информации», распространяемой элитой (или полуэлитой); операции чтения ведут хитрую игру, заполняя своей изобретательностью слабые места культурной ортодоксии. Одна из этих двух историй скрывает то, что не подчиняется «учителям», и делает это невидимым для них; другая рассеивает это в сетях приватной жизни. Таким образом, обе они принимают участие в том, чтобы превратить чтение в то неизвестное, из которого, с одной стороны, возникает только театрализованный и доминирующий опыт *образованных* читателей, а с другой — редкие и фрагментированные, подобные пузырям, поднимающимся на поверхность воды, знаки *заурядной* поэтики.

«УПРАЖНЕНИЕ В ПОВСЕМЕСТНОСТИ», ТАКОЕ «БЕСЦЕРЕМОНОЕ ОТСУТВИЕ»

Автономия читателя зависит от трансформации социальных связей, которые всецело детерминируют его отношение к текстам. Именно трансформация является необходимой задачей. Но эта революция вновь обернулась бы тоталитарным господством элиты, претендующей на то, чтобы самой создавать различные виды поведения, и замещающей нормативным образованием то, которое существовало прежде, если бы нельзя было рассчитывать на тот *факт*, что *уже* существует другой опыт, многообразный, хотя скрытый или подавляемый, иной, чем опыт пассивности. Соответственно, политика чтения должна соединиться с анализом, который, описывая практики, действовавшие на протяжении долгого времени, в то же самое время политизирует их. Выявить некоторые аспекты операции чтения значит уже указать на то, каким образом оно ускользает от закона информирования.

«Я читаю и грежу... Так мое чтение является моим бесцеремонным отсутствием. Не является ли чтение в этом случае упражнением в повсеместности?»²⁰. Этот опыт имеет изначальный и даже инициационный характер: читать — значит быть в другом месте, там, где

²⁰ Guy Rosolato, *Essais sur le symbolique*. Paris: Gallimard, 1969, p. 288.

ГЛАВА XII. ЧТЕНИЕ: БРАКОНЬЕРСТВО

нет *их*, в другом мире²¹; это значит конституировать тайную сцену, место, куда можно входить и откуда можно выходить по своей воле; это значит создавать укромные, затемненные места в существовании, отданном во власть технократической прозрачности и тому неумолимому свету, который у Жене воплощает ад социального отчуждения. Маргерит Дюрас заметила по этому поводу: «Быть может, мы читаем в вечной ночи... Чтение связано с ночной темнотой. Даже если мы читаем среди бела дня, на улице, ночь обступает книгу»²².

Читатель — это тот, кто разбивает сады, представляющие мир в миниатюре и соотносимые с ним, тот, кто напоминает Робинзона на острове, который ему еще только предстоит открыть, но который «одержим» еще и своим собственным карнавальным безумием, вводящим множественность и различие в письменную систему общества и текста. Читатель, таким образом, становится автором-романистом. Он лишен своей территории, балансируя в не-месте между тем, что он изобретает, и тем, что меняет его самого. Иногда он, словно охотник в лесу, не спускает глаз с написанного, выслеживает свою добычу, смеется, делает свои «ходы», или же как игрок позволяет игре полностью завладеть собой. Или же он теряет фиктивные гарантии, которые ему дает реальность: это бегство лишает его тех оснований, благодаря которым *я* получает свое место на социальной шахматной доске. *Кто* на самом деле читает? Это я или это некая часть меня? «Это не *я* как истина, но *я* как неуверенность в себе читаю эти тексты утраты. Чем больше я их читаю, тем больше я их не понимаю, тем хуже обстоят дела»²³.

Таков обычный опыт, если верить свидетельствам, которые невозможно исчислить или процитировать, опыт, характерный не только для образованных читателей. Он присущ также читателям и читательницам *Nous Deux, La France agricole* или *L'Ami du boucher*, сколь бы популярными или специальными ни были пространства, исхоженные амазонками или улиссами повседневной жизни.

²¹ Тереза Авильская считала чтение молитвой, открытием другого пространства, где говорит желание. Множество других авторов-мистиков думают об этом таким же образом, и уже дети это хорошо знают.

²² Marguerite Duras, *Le Camion*. Paris: Minuit, 1977; Marguerite Duras, "Entretien à Michèle Porte", цит. по: *Sorcieres*, 1978, N 11, janvier, p. 47.

²³ Jacques Sojcher, "Le professeur de philosophie", in: *Revue de l'université de Bruxelles*, 1976, N 3—4, p. 428—429.

ЧАСТЬ IV. СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКА

Не будучи писателями, теми, кто основывает собственное место, являясь наследниками земледельцев былых времен, а ныне возделывающими почву языка, копающими колодцы и возводящими стены домов, читатели — это путешественники; они движутся по землям, которые им не принадлежат, словно номады, браконьерствующие на территориях, которые не были покрыты их письменами, расхищающие богатства Египта во имя собственного наслаждения. Письмо накапливает, хранит, сопротивляется времени, учреждая место, и увеличивает свое производство путем расширения воспроизводства. Чтение не может избежать эрозии времени (мы забываемся и мы забываем), оно не сохраняет или плохо сохраняет приобретенное, и каждое из мест, сквозь которые оно проходит, — это повторение утраченного рая.

На самом деле чтение не имеет своего места: Барт вычитывает Пруста в тексте Стендаля²⁴; телезритель вычитывает пейзаж своего детства в теленовостях. Телезрительница говорит о передаче, которую видела накануне: «Это было глупо, и все же я смотрела ее до конца». Какое именно место завладело ее воображением, которое было и в то же самое время не было местом увиденного ею на экране? Так же и читатель: его место не *здесь* или *там*, одно или другое, а ни одно и ни другое, читатель одновременно внутри и снаружи, он теряет одно и другое благодаря их слиянию, соединяя тексты, распростертые словно надгробные статуи, которые он пробуждает к жизни и посещает как гость, но собственником которых он никогда не является. Тем самым ему удается ускользнуть как от закона каждого отдельного текста, так и от закона социальной среды.

ПРОСТРАНСТВА ИГРЫ И УЛОВОК

Можно использовать несколько моделей, чтобы охарактеризовать эту активность. Она может рассматриваться как форма «бриколажа», которую Леви-Строс анализирует как свойство «первобытного мышления», то есть устройство, составленное «из подручных средств», производство, «не соотносящееся ни с каким проектом» и

²⁴ Р. Барт, «Удовольствие от текста», с. 490.

ГЛАВА XII. ЧТЕНИЕ: БРАКОНЬЕРСТВО

приспосабливающее «остатки предшествующих построек и руин»²⁵. Но в противоположность леви-строссовским «мифологическим мирам», если производство такого рода и организует события, оно не составляет никакой совокупности: это «мифология», распыленная во времени, череда моментов, не собранных вместе, рассеянных в повторениях и различиях наслаждения, в воспоминаниях и последовательном приобретении знаний.

Еще одна модель: изысканное искусство, теория которого была создана средневековыми поэтами и сочинителями романов, введившим новшество в сам текст и в рамки традиции. Изощренные процедуры вводят множество различий в авторитетное письмо, которое служит для них обрамлением, но таким образом, что их действия больше не подчиняются принуждению его закона. Эти поэтические уловки, не связанные с созданием собственного места (письма), сохраняются на протяжении веков вплоть до современного чтения, не менее ловко использующего на практике различные отклонения и метафоры, которые, порой, едва достаиваются безразличного фырканья читателя.

Исследования, проводимые в Бохуме в русле *Rezeptiosästhetik* (рецептивной эстетики) и *Handlungstheorie* (теории действия), также дают различные модели связей текстовых тактик с «ожиданиями» и последовательными гипотезами реципиента, считающего драму (или роман) заранее обдуманном действием²⁶. Эта игра механизмов производства текста, связанных с тем, что ожидания читателя заставляют его производить по мере того, как он движется через повествование, представлена, конечно, с помощью тяжеловесного концептуального аппарата; но таким образом танец читателей и текстов оказывается там, где ортодоксальная доктрина на унылой сцене возвела истукан «произведения», окруженного потребителями, подчиняющимся авторитету или просто невежественными.

²⁵ К. Леви-Стросс, *Первобытное мышление*, с. 126–127. В «бриколаже» читателя повторно использованные элементы, будучи извлеченными из официальных и общепринятых корпусов текстов, могут *заставить поверить*, что в чтении нет ничего нового.

²⁶ См. в особенности: Hans Ulrich Gumbrecht, “Die dramenschliessende Sprachhandlung im Aristotelischen Theater und ihre Problematisierung bei Marivaux”; Karlheinz Stierle, “Das Liebesgeständnis in Racines Phèdre und das Verhältnis von (Sprach)-Handlung und Tat”, *Poetica*, N 8. Bochum, 1976.

ЧАСТЬ IV. СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКА

Благодаря этим исследованиям и многим другим мы обращаемся к чтению, которое отныне характеризуется не только как «бесцеремонное отсутствие», но и как продвижение и отступление, как тактики и игры с текстом. Это чтение появляется и движется, попеременно захваченное (но чем именно? что пробуждается одновременно в читателе и тексте?), играющее, протестующее, ускользающее.

Мы должны постараться обнаружить движения чтения в самом теле, которое кажется покорным и безмолвным, но которое по своему имитирует его: уединение в разного рода «читальных» (в том числе и ваннах) комнатах дает выход разным подсознательным жестам, бормотанию, нервному тикку, позволяет принимать различные позы, производить неожиданные звуки и, наконец, давать ход всей дикой оркестровке тела²⁷. Но, с другой стороны, на своем самом элементарном уровне чтение за прошедшие три столетия стало действием глаз. Оно больше не сопровождается, как раньше, шумом голоса или работой лицевых мышц. Читать, не произнося вслух или вполголоса, — это «современный» (*moderne*) опыт, неизвестный на протяжении целого тысячелетия. Прежде читатель интериоризировал текст, делал из своего голоса тело другого; он был его исполнителем. Сегодня текст уже не навязывает свой ритм субъекту, он не проявляет себя через голос читателя. Это устранение тела, условие его автономии, является дистанцированием текста. Это и есть *habeas corpus* читателя.

Поскольку тело устраняется из текста, чтобы задействовать в нем лишь подвижность глаза²⁸, географическая конфигурация текста все меньше и меньше организует активность читателя. Чтение освобождается от той почвы, которая его определяла. Оно отрывается от нее. Автономия взгляда приостанавливает сообщничество тела с текстом; она отвязывает его от места письма; она делает из письма объект и увеличивает возможности субъекта перемещаться по тексту. На эту возможность указывают методы быстрого чтения²⁹. Точно так же, как самолет увеличивает скорость независимо от тех

²⁷ Об этом прекрасно говорит Жорж Перек (Georges Perec, "Lire : esquisse sociophysiological", in: *Esprit*, 1976, janvier, p. 9–20).

²⁸ Однако известно, что мускулы, которые сокращают голосовые связки и вызывают напряжение голосовой щели, остаются активными и во время чтения.

²⁹ См.: François Richaudeau, *La Lisibilité*. Paris: CEPL, 1969; Georges Rémond, "Apprendre la lecture silencieuse à l'école primaire", in: Alain Bentolila, éd., *Recherches actuelles sur l'enseignement de la lecture*, p. 147–161.

ГЛАВА XII. ЧТЕНИЕ: БРАКОНЬЕРСТВО

ограничений, которые накладываются особенностями местности, техники быстрого чтения обеспечивают — за счет сокращения остановок глаза, ускорения его движения по странице — автономию по отношению к детерминированности текста и расширение пробегаемых глазами пространств. Обретя свободу от мест, читающее тело стало более свободно в своих движениях. Тем самым оно запечатлевает в своих позах способность каждого субъекта преобразовывать текст посредством чтения и «мчаться» через него, не останавливаясь, как мчатся по дороге.

Оправдывая читательскую бесцеремонность, я пренебрег многими аспектами чтения. Барт выделил три типа чтения: то, которое останавливается на удовольствии, доставляемом словами; то, которое спешит к концу и «изнемогает от ожидания»; то, которое питает желание писать³⁰. Это эротическое чтение, охотничье и инициационное. Существуют и другие виды чтения, посредством которых мечтают, сражаются, занимаются самовоспитанием и т. д. и которые мы не можем здесь рассматривать. Как бы то ни было, возросшая автономия читателя не защищает его, поскольку над его воображением и над всем, что он приносит из самого себя в сети текста — его страхами, его мечтами, его фантазматическими и отсутствующими авторитетами — простирается власть медиа. Здесь действуют силы, превращающие цифры и «факты» в риторику, нацеленную на эту переданную им интимность.

Но там, где (наш) научный аппарат имеет тенденцию разделять иллюзию власти, с которой он неизбежно солидарен, то есть исходить из предположения, что массы трансформируются под воздействием завоеваний и побед экспансионистского производства, всегда хорошо напоминать себе о том, что не следует держать людей за идиотов.

³⁰ R. Barthes, "Sur la lecture", p. 15–16.